

Содержание

Марабу	4
Загадка	34
Совесть	52
Спираль	70
Закономерность	79
Эдик	98
«Кирпичи»-невидимки	129
Твои глаза...	142
Месть	154

В конце июля на исходе двадцатого столетия Леонид Кузьмич, как обычно, проснулся в полвосьмого утра. Он всегда вставал в одно и то же время без будильника — как штык. Достал из-под подушки любимую мухобойку и пошёл в туалет, по пути оглядывая стены и двери: не сидит ли где сонная муха или, на худой конец, тощий комаришка. Под журчание ниспадающей, искрящейся в свете лампочки струи, старательно направляя её в самый центр, чтобы не летели брызги на стену, вспомнил дурацкий сон. Он стоит на коленях у свежерытой могилы на городском кладбище, а огромная муха с короной на голове бьёт его мухобойкой по макушке, приговаривая:

— Когда ж ты, злодей, насытишься нашей кровушкой!.. Ты, бессердечный урод, создавал нас, чтобы лишать жизни? Разве мы виноваты, что есть хотим? Мы не хуже, а лучше людей... Не убиваем, как вы, тварей божьих. Думаешь, не отомстим тебе, проклятый садист? Ещё как отомстим... Нашёл себе удовольствие — убивать. Подлый человечиска... Не убий!.. Не убий!.. Не убий!..

Леонид Кузьмич прикрывается руками, как может, от тяжёлых, болезненных ударов. Вокруг столпились крылатые подданные царицы, они кричат хором:

— Не место на земле злодею! Не место садисту на земле! Не место! Не место...

«Ну и ну! Какая только ерунда не приснится, — ухмыльнулся Леонид Кузьмич. — Мы не хуже, а лучше людей... Мы не убиваем, как вы... Ну и бред».

Зашёл на кухню, поставил чайник на плиту. Внимательно всё вокруг оглядел. На подоконнике в углу засохшая муха — хлопнул мухобойкой. Сдул оставшуюся пыль, открыл окно и, держа наготове орудие убийства, стал ждать, когда залетит какой-нибудь шальной летун. Но ни одного насекомого не было. «Чёрт, куда они подевались?» — подосадовал Леонид Кузьмич. Ежедневно до завтрака он отправлял на тот свет несколько, как он их называл, безмозглых тварей.

Его жена, Мария Степановна, всегда вставала минут на пять позже, чтобы не путаться у него под ногами. Вот и сейчас послышалось её шарканье в коридоре. Была она маленькой, худенькой и невыразительной, с жидкими русыми волосами. Работала, где и муж, в плановом отделе, простым экономистом. Некоторые злые на жизнь женщины называли её пигалицей, хотя она никого не унижала и не была высокомерна — в отличие от супруга. Дома Мария Степановна звала суженого на французский манер — Лео. Ему это нравилось. Про себя же беззлобно называла Чиканутиком за его шепучной характер. Иногда во время постельных утех и некоторое время спустя нежно шептала «Леончик-пупончик», перебирая густые волосы на его голове. Мария Степановна очень гордилась Лео: он большой начальник, у него сильный характер, все его боятся. А главное, он не гулял. Она по-своему любила его.

Леонид Кузьмич спрятался за кухонной дверью, чтобы испугать жену и взять саечку за испуг. От этого ритуала никуда. Мария Степановна давно уже не пугалась, только делала вид, что ей страшно. Когда она зашла на кухню, Леонид Кузьмич выскочил из засады и с криком «У-у-у!» замахнулся мухобойкой. Мария Степановна вскрикнула «Ай!», пригнула голову. До-

вольный Леонид Кузьмич засмеялся и взял у жены саечку за испуг, легонько поддев подбородок пальцем.

Мария Степановна принялась разогревать еду. Много еды. Хотя Леонид Кузьмич был маленьким и щупленьким, ел он очень много — но, несмотря на зверский аппетит, даже на миллиграмм не поправлялся. Видимо, обмен веществ был своеобразный. Наблюдая, как муж с удовольствием поглощает гречневую кашу со сливочным маслом, пирожки с капустой и мясом, да ещё и жареную картошку со свининой, она не смогла удержаться, чтобы не подумать, наверное, в миллионный раз: «Куда всё это влезает в Чиканутика?»

После завтрака Леонид Кузьмич стал просматривать деловые бумаги, соображая, что сегодня делать, кого казнить, а кого миловать. Встала дочь Наташа, пятнадцатилетняя маленькая, худенькая, невзрачная русоволосая девочка с грустными глазами. Леонид Кузьмич специально оторвался от бумаг, чтобы поприветствовать дочь. Подошёл к туалету. Когда она вышла, слегка шлёпнул мухобойкой по попе и весело пробасил:

— Здорово, корова! Привет от быка!

Наташа посмотрела на отца как на больного из дурдома и ничего не ответила.

Без двадцати девять Леонид Кузьмич с женой сели в служебный внедорожник «Тойоту Лэнд Крузер» и поехали на работу.

У малорослого, худощавого и узкоплечего Леонида Кузьмича была большая голова с низким, скошенным, как у неандертальца, лбом, маленькие круглые глазки с недобрым прищуром, чёрные, как смоль, зачёсанные назад волосы, большие и жёлтые, как у лошади,

наезжающие друг на друга зубы и огромный нос, занимающий чуть ли не треть лица.

Работал Леонид Кузьмич в большом производственном объединении на Севере, и не абы кем, а главным инженером. Не халам-балам, знаете ли. Второй человек на таком мощном производстве. Характер имел прескверный. Был грубым и невоспитанным, хотя, само собой разумеется, окончил высшее учебное заведение. Мало того, даже осилил промышленную академию. Из-за гадкого характера Леонида Кузьмича никогда не поставили бы на такую высокую должность, если б не одно важное обстоятельство: его другом был сам генеральный директор объединения. С детства они шагали по жизни рука об руку, но его товарищ — всегда чуть впереди. В школе друг был старшой, он — его помощником, в институте друга выбрали комсоргом, его — заместителем. Через семь лет после института товарищ работал главным инженером на одном небольшом заводе, он — главным механиком там же. Потом они попали в объединение и шли рядышком по служебной лестнице уже здесь. И не только по должности друг был на шаг впереди, но и во всём остальном: друг симпатичный и высокий — он низкорослый и плюгавый, у друга жена — статная красавица, у него маленькая и невзрачная. И дочери отличались. У кореша дочка хорошо училась и была милашкой, а у него, наоборот, и училась так себе, и внешность обыкновенная. Слава богу, не носатая, как отец. Если б не друг, Леонид Кузьмич так и прозябал бы где-нибудь на периферии рядовым инженером. А тот всячески заботился о нём и поддерживал на плаву. Но и сам товарищ был не один на белом свете. Говорили, у него мохнатая лапа в самом министерстве, что

в свои щенячьи тридцать семь без покровительства он никогда в жизни не стал бы генеральным директором такого огромного производственного объединения.

Хотя главному инженеру объединения было за сорок, он всё еще переживал по поводу своего маленького роста и хлипкого сложения. Чтобы казаться выше и мощнее, носил обувь на очень высоких каблуках и пиджаки на два размера больше — в любую жару, а для сокрытия каблуков надевал длинные брюки, низ которых собирал всю грязь с пола. Ходил, ссутулившись и приподняв плечи, походя на приבלатнённого. Чтобы не выглядеть карликом на фоне рослых посетителей, поставил в кабинете специальное чёрное кожаное кресло на длиннющих ножках, которое сделали по заказу на дочернем предприятии, выпускающем мебель. В этом кресле он чувствовал себя очень даже неплохо перед более высокими подчинёнными — они-то сидели на обычных стульях. А когда перед ним находились такие же недоростки, как и он сам, и вовсе балдел, взирая на них свысока.

Леонид Кузьмич много чего любил, но особенно обожал унижать людей, которые были выше него. Над теми, кто возвышался над ним на голову, он глумился более-менее по-божески, кто был выше на полторы-две кумекалки, тех унижал по полной программе, немилосердно и цинично, а кто имел несчастье обскакать его на два с половиной скворечника и больше, о тех и говорить нечего. Соответственно, и удовольствие всегда было разное. Если втапывал в грязь человека всего лишь на голову выше себя, и удовольствие было так себе. Когда унижал субъекта на полторы-две соображалки выше, радовался по-настоящему, до восторга, а измывался над мужиком выше на три голо-

вы и более — радость испытывал несказанную, даже иногда мочился в штаны от блаженства. К низкорослым же людям вроде себя Леонид Кузьмич относился благосклонно и почти не унижал их, к совсем маленьким — ниже себя — даже питал нежные чувства и не издевался вовсе.

Ещё Леонид Кузьмич очень любил шутить. Однако шутки его были довольно своеобразны. Главной забавой было пугать людей. Он неожиданно замахивался на человека рукой или делал движение ногой, как будто хотел ударить ему между ног, и, если тот пугался, брал у него саечку за испуг, то есть вставлял под подбородок испугавшемуся средний палец правой руки, остальные собирал в горсть и резко дёргал руку вверх, чтобы образовался щелчок. Если звук не получался или был слабым, шутник повторял процедуру, пока не щёлкало громко. Даже женщины не были застрахованы от этой его шутки, включая жену и дочь, правда, в облегчённом варианте: он всего лишь слегка проводил пальцем у них под подбородком. Было у Леонида Кузьмича и такое развлечение: незаметно подходил к подчинённому сзади и внешней стороной кончиков пальцев с силой по касательной бил по пятой точке. Человек испытывал жгучую боль, а Леониду Кузьмичу было хорошо и весело на душе.

Иногда он дурачился по-другому: вводил в заблуждение людей, обманывал их. Как-то подколот работника, пришедшего утром на приём, не отвечая на его приветствие, таким образом: «Ты что, Прокофьев, припёрся ко мне? У тебя ночью цех сгорел, а ты прохлаждаешься. Немедленно выезжай на пепелище и подсчитывай убытки». И бедный Прокофьев, бледный от пережитого ужаса, одной рукой хватаясь

за сердце, а другой роясь в кармане в попытке найти валидол, срывался с места и ехал на свой целёхонький объект. А над другим однажды подшутил вот так: «Как тебе не стыдно, Соловьёв! На тебя пришла бумага из медвытрезвителя. Просят наказать, дать строга. Как так можно напиваться, я не понимаю. Вот здесь пишут. Он брал со стола бумажку и как будто читал: "...едва держался на ногах, мочился на тротуар, выражался нецензурной бранью, обливал милиционера..." Как это понимать, я тебя спрашиваю?» И потрясённый Соловьёв с широко открытыми ртом и глазами горячо оправдывался, уверяя начальника, что это форменная клевета, его не за того приняли: вчера вечером они с женой закатывали огурцы в банки.

В общем, все шутки Леонида Кузьмича были злые. В объединении никто не любил его за грубость и невоспитанность, стремление унижить, за жестокие шутки. За глаза называли его Марабу за скверный характер и длинноносость, хотя признавали, что он довольно сильный производственник. Он и впрямь был похож на эту большеголовую и носатую африканскую птицу, особенно в профиль.

Но больше всего на свете Марабу любил убивать мух. Гораздо сильнее, чем унижать людей, шутить злые шутки, кувырканье в кровати с женой и обжорство — всё, вместе взятое. Откуда взялась эта блажь, даже его мать не помнила. Вполне возможно, передавалась по наследству от какого-то родственника-садиста. Марабу ненавидел мух лютой ненавистью, этих безмозглых тварей, рассадников заразы, совершенно не нужных природе существ. И был убеждён, что им не место на земле. Бил мух с малолетства, как только открыл свои маленькие круглые, уже тогда со злым

прищуром, глазки. Сначала пытался шлёпать их розовой младенческой ладошкой, иногда случайно попадая по ним, потом, когда подрос, бил мух резинкой от трусов; затем, по мере взросления, размазывал по стенкам газетой, а последние пятнадцать лет убивал исключительно мухобойкой. При этом испытывал ни с чем не сравнимое, необыкновенное, неземное наслаждение, как будто в блаженстве парил над землёй в тёплых лучах утреннего ласкового солнышка. За долгие годы Марабу перебил их великое множество — многие сотни тысяч, а может, даже и миллионы. Хлопал мух, где только можно: и дома, и на работе, и на улице, и в общественных местах, даже украдкой в министерстве, куда приезжал по делам. Иногда, под настроение, ловил мух рукой, привязывал к их тельцам тонкую длинную нитку и с удовольствием наблюдал за полётом, как авиамоделист наблюдает за своим самолётиком. Когда Марабу надоедало это занятие, он отрывал насекомым крылья и отпускал на все четыре стороны, с радостью думая, как они будут мучиться без воды и пищи и умирать медленной смертью. Поздней осенью, зимой и ранней весной, когда мух не было, Марабу разводил дома дрозофил, делая для них из варенья и дрожжей брагу. Мушки эти были такие малюсенькие, что ему приходилось надевать очки или использовать лупу, чтобы не промахнуться. Удовольствие от их битья было маленькое, как и сами мушки, но всё-таки с помощью дрозофил Марабу кое-как переживал трудные для себя времена. А когда пришла весна и на смену мухам-лилипутам прилетали мухи обычных размеров, радовался, как ребёнок, и неизменно пускал слезу от избытка чувств, убивая первую весеннюю шестиногую ласточку.

В мир иной Марабу отправлял мух самодельной мухобойкой, с которой никогда не расставался. Чтобы она умещалась во внутреннем кармане пиджака, сделал компактной. Ручка мухобойки была из раздвижной телескопической антенны, а бойка — из резины от велосипедной камеры. Свою красавицу Марабу очень любил, иногда до помутнения зрения от слёз. Холил её и лелеял, как самый главный и дорогой сердцу предмет в своей жизни, часто мыл и протирал специальной фланелевой тряпочкой, буквально сдувал с неё пылинки, поминутно любовался ею, приближая к глазам или отдаляя. Даже разговаривал с любимой хлопущей как с живым разумным существом и всегда спал с ней, кладя под подушку.

На людях он старался не проявлять эту странную страсть, хотя на работе, да и в городе все про неё знали и, смеясь, говорили избитую фразу: «Что взять с больного, кроме анализов...»

Изо дня в день, из года в год хлопал Марабу мух и искренне думал, что будет услаждаться убийством до последнего вздоха.

— Здорово, корова, привет от быка! — весело поздоровался он с симпатичной секретаршей Олей, когда приехал на работу, и прошёл в свой кабинет.

Остановился посередине, достал мухобойку и оглядел стены и мебель: не сидит ли где глупая муха. Кроме кабинета, в смежном помещении у него была комната отдыха с туалетом и душевой кабиной. Не обнаружив насекомых, Марабу зашёл в комнату отдыха, держа наготове мухобойку. Там стояли чёрный кожаный диван, холодильник, буфет, стол, несколько стульев и телевизор на полке, прикреплённой к стене у входа. Он внимательно осмотрел всё вокруг — мух нигде не

было. Накануне он оставил окна немного приоткрытыми, чтобы к его приходу насекомые налетели. Марабу всегда так делал летом. Он положил мухобойку на стол, достал из кармана брюк целлофановый пакет с котлетой и половинкой пирожка и разложил приманку на столе. Вчера к этому времени Марабу набил их довольно прилично, не считая комаров, а сегодня почему-то они не залетели.

«Странно, куда они подевались?» — недоумевал он, возвращаясь в кабинет.

Сел в кресло, разложил деловые бумаги, откинулся на спинку и стал в задумчивости хлопать мухобойкой по ладони.

Забот у главного инженера такого мощного объединения было более чем достаточно. Кроме дочерних предприятий и множества подразделений, он имел дело со всевозможными генподрядчиками, подрядчиками и субподрядчиками. Во все дела надо было вникать и хорошо в них разбираться. Ежедневно Марабу приходилось принимать немало посетителей и подписывать кучу всяких бумаг. То и дело, то там то сям случались происшествия, и он был вынужден выезжать на объекты, чтобы разбираться на месте, что да к чему. В общем, работёнка была не сахарная. Зато престижная. Марабу очень гордился, что занимает такую высокую должность, и считал себя далеко не последним человеком в городе. И действительно, он был известной личностью.

Довольно часто люди упоминали его прозвище в связи с очередной грубой или глупой выходкой. Однажды случилось так, что он оказался на окраине города без служебного автомобиля — тот сломался. Марабу голосовал, чтобы добраться до работы. Он

искренне полагал, что его, как известную и важную персону, все знают в лицо и немедленно довезут куда надо бесплатно. Ему и в голову не могло прийти, что кто-то осмелится брать с него плату за проезд. Когда водитель попутки попросил расплатиться, возмущению Марабу не было предела. Он позеленел от злости и устроил парню такую взбучку, что мама не горюй. Наверное, до сих пор, бедный, не может без содрогания вспоминать об этом. Марабу кричал, как тот смеет требовать деньги за проезд у такой важной персоны, как он, что запишет номер его машины, узнает, где он работает и живёт, что сровняет его с землёй, сотрёт в порошок... В злобе не сдержался и стал бить мухобойкой по голове и лицу. Потом целый год город обсуждал этот случай и смеялся над Марабу.

Постучав в дверь, заглянула секретарша:

— К вам, Леонид Кузьмич, Никифоров..

Марабу махнул рукой, разрешая войти. Пришёл начальник отдела по транспорту. Поздоровался. Это был седой представительный мужчина предпенсионного возраста, чуть выше среднего роста. Петрову надо было срочно решить вопрос о поставке технологического оборудования. Марабу почти годился ему в сыновья. Он не поздоровался с Никифоровым, а стал, качая головой и осуждающе глядя на него, говорить:

— Захарыч, ты хоть знаешь, чем твой сын занимается?

— А что такое, Леонид Кузьмич? — насторожился Никифоров. Его сын работал ведущим инженером в отделе главного механика.

— Его омоновцы повязали за продажу наркоты. Он, обдолбанный, с утра у самого входа в объединение ко-

каином торговал. Мне только что начальник милиции звонил. Вот так-то, друг мой!

Никифоров в замешательстве внимательно посмотрел на Марабу, не нашёл в его глазах и намёка на шутку и заволновался.

— Не может быть, Леонид Кузьмич! Он даже не пьёт.

— Не пьёт, а кокаинчик нюхает. Не веришь — давай с начальником милиции соединю. — Марабу потянулся к телефону.

Видя, что Никифорову становится плохо — тот судорожно искал нитросорбид в кармане, — смягчился:

— Ну ладно тебе... Расквасился! Шуток не понимаешь?

И довольный, что хорошо разыграл человека — чуть до инфаркта не довёл, — быстро решил с ним все вопросы.

— К вам, Леонид Кузьмич, с процентовками, — общила Оля.

— Давай его сюда, — сказал Марабу таким тоном, будто речь шла о каком-то блюде.

Зашёл чернявый статный парень в белой рубашке, выше примерно на две головы. Поздоровался, представился и сказал, что принёс процентовку на подпись.

Марабу презрительно оглядел его с ног до головы. Сесть не пригласил. Пришедший был инженером подрядной организации. Все визы он собрал, осталась только подпись главного инженера объединения. Работал молодой человек недавно и не знал, что в начале рабочего дня у Марабу лучше не появляться: тот ещё не набил достаточно мух, чтобы быть в хорошем настроении. Стреляные воробьи ходили к нему с про-

центовками ближе к обеду или после, когда главный был уже относительно добрым от мушиной крови.

— Почему не застёгнут? — строго спросил Марабу.

Парень, покраснев, стал судорожно шарить рукой по ширинке, чтобы застегнуть молнию.

— Выйди из кабинета, застегни верхнюю пуговицу на рубашке, а потом снова зайди. Ты что, к бабе пришёл или в ресторан? Ты к главному инженеру объединения пришёл! Ходят тут всякие, как к себе домой!

Пришлось тому выйти в приёмную. Застегнув пуговицу, он, постучавшись, снова зашёл. Строго оглядев, Марабу велел подойти к столу, взял процентовку. Стал просматривать её. Итоговая сумма показалась слишком большой. Взглянул на парня и строго сказал:

— А ну-ка выпрями ногу и стой прямо! Чего ты тут понаписал? Откуда такие огромные суммы? Совсем ополоумел? Если будем выплачивать каждому встречному-поперечному такие деньги, по миру пойдём. Иди к главному механику, пусть он по СНИПам перепроверит обоснованность начислений.

Неопытный инженер взял процентовку и с извинениями вышел из кабинета. Марабу с минуту сидел неподвижно: блаженствовал, с улыбкой вспоминая, как отчихвостил сопляка, как тот стоял перед ним, вытянувшись в струнку. Потом подумал о мухах: наверное, уже налетели. Вытащил из кармана мухобойку, раздвинул её и, предвкушая удовольствие, поспешил в комнату отдыха. Ему не терпелось устроить кровавую баню этим безмозглым тварям. Он ворвался в помещение и стал зыркать по сторонам, но нигде мух не обнаружил. В растерянности, пожимая плечами от недоумения, Марабу стоял у стола и думал: «Странно,

куда они подевались? Вчера к этому времени набил целую кучу. Удивительно!»

Стало как-то нехорошо, тревожно на душе. Он разломил котлету, понюхал: вполне аппетитно. Положил котлету на подоконник. Показалось, что мухи не учуяли запах еды из-за того, что она лежала далеко от окна. Вернулся в кабинет, сел в кресло и стал любоваться мухобойкой. Он её, красавицу, рассматривал и так и этак, подносил близко к глазам, любуясь отдельными частями, ласкал взором на расстоянии вытянутой руки, смотрел на хлопущку слева от себя, справа, снова приближал. Потом фланелевой тряпкой стал протирать любимицу: сначала её металлическую ручку, а затем резиновую бойку. Почистив мухобойку, Марабу сдвинул её, снова полюбовался на расстоянии и, сдунув с бойки невесть откуда взявшуюся пылинку, спрятал в карман пиджака.

— Оля, давай следующего!

Заглянул директор кирпичного завода.

— Здравствуйте, Леонид Кузьмич! Можно войти?

— Можно, можно. Чего ты хотишь? Иди, садись, — сказал Марабу, развалившись в кресле и чуть заметно улыбаясь.

Директор кирпичного завода был грузным пожилым человеком с обильной проседью в густых каштановых волосах. Он пришёл просить у главного инженера денег на расширение производства, обещал за это по дешёвке продать объединению кирпичи. Хотя директор и возвышался над Марабу на голову, но был относительно большим начальником и не сильно зависел от объединения. Поэтому хозяин не унижал его и не шутил свои глупые шутки, а лишь снисходительно улыбался и говорил несколько фамильярно, давая

понять, кто есть кто, не получая от общения практически никакого удовольствия — ну разве что от сознания, что он начальник большего калибра. Марабу пообещал поговорить с шефом, но гарантий благополучного исхода дела не дал, ссылаясь на материальные затруднения объединения, и пресно с ним попрощался, слегка кивнув.

Как только тот ушёл, Марабу, проорав, чтобы к нему никто не входил, пошёл в комнату отдыха. Но и теперь он не был уверен, что мухи налетели. На душе было тревожно.

Мистика какая-то!

Не было даже паршивого комаришки. Он раскрыл котлету и половинку пирожка, часть положил на подоконник, а остальное разбросал по столу. Стал смотреть на улицу через открытое окно. Но сколько ни вглядывался, ни одного насекомого не увидел. Решил осмотреть стены здания: может, сидит где какая-нибудь букашка, божья коровка или жучок какой. Лёг на подоконник животом и стал разглядывать. Показалось, что в полуметре от окна сидит нечто похожее на комара. Стал тянуть шею, подвинулся чуть вперёд. От этого движения нога Марабу скользнула по полу — и он чуть было не нырнул вниз. В последний момент удалось ухватиться за край подоконника и не вывалиться из окна. Испугался ужасно. Руки дрожали, сердце бешено колотилось. Сел на диван, отдышался немного.

«Уф... ещё немного — и мне конец! Удивительно... Куда они все подевались? Вчера к этому времени штук пятьдесят наколошматил. Экология, что ли, испортилась, или ещё что... Непонятно... Надо в обед борща из дома привезти, может, на него клонут», — думал Марабу.

Вдруг всплыл на мгновение сон, где муха-царица бьёт его мухобойкой по голове со словами: «Нашёл себе удовольствие — убивать, проклятый садист».

— Тыфу ты, чёрт, привязалось! — прошептал Марабу.

Раздосадованный, он прошёл в кабинет, сел в кресло и в тревожной задумчивости стал пошлёпывать мухобойкой по колену. Потом посмотрел на свою радость на расстоянии вытянутой руки и, поцеловав, спрятал.

— Следующий! — заорал Марабу и добавил вполголоса: — Сказал заведующий.

Вошёл здоровенный, широкоплечий, с небольшими усиками симпатичный мужик — с процентовками. Был выше его на целых три с лишним головы. Про себя Марабу называл его Амбалом. Он очень не любил его за то, что выглядел на его фоне карликом, и ещё за то, что тот вёл себя всегда спокойно и с достоинством. Амбал был начальником одной небольшой подрядной организации, которая занималась пусконаладочными работами. Он прекрасно знал, что нельзя приходить к Марабу с утра, но обстоятельства складывались так, что надо было срочно выезжать на объект, который находился далеко от города, и он торопился. Все визы, естественно, у него были.

Марабу даже к столу его не подпустил.

— Чего ты хотишь? Обмануть меня? Я что тебе, лох, что ли?! — кричал Марабу, едва тот переступил через порог. — Сначала сделай мне вентиляцию в административном здании. Люди задыхаются от жары. Вентиляция ни хрена не работает, а он припёрся процентовки подписывать. А у меня над головой воздуховод гудит, работать не даёт.

Вентиляция работала исправно. Просто её никто не включал, забывали. А когда всё-таки включали, не

закрывали окна, и горячий воздух шёл в помещения с улицы. Поэтому и было жарко.

— Это не наша вина, Леонид Кузьмич. Не надо забывать включать вентиляцию и окна закрывать, чтобы тёплый воздух не шёл с улицы, — оправдывался Амбал спокойно.

— А почему воздуховод шумит, работать не даёт? — спрашивал Марабу, глядя с ненавистью.

— Это вина проектантов. Надо было в этом месте глушитель запроектировать.

— Насрать на проектантов! Мне надо, чтобы не гудело над головой!

— Ну хорошо, мы установим глушитель на воздуховод, Леонид Кузьмич, — согласился Амбал.

— Вот когда установишь, тогда и приходи, — подвёл итог Марабу и уткнулся в бумаги.

Хотя Амбал и был маленьким начальником, но рост у него — под метр девяносто и вес больше центнера, поэтому Марабу слишком сильно его не унижал, боялся: вдруг разозлится, стукнет разок — и ему хана.

Амбал вышел из кабинета и тут же попросился на приём к генеральному директору объединения. У него, как умного и доброжелательного человека, были хорошие отношения с генеральным, и скоро он подписал процентовки там.

Марабу с минуту сидел неподвижно, с удовольствием вспоминая, как распёк этого великана. Он хотя и небольшого роста — большой человек, а тот, несмотря на внушительные габариты, — маленький, и сознание этого хорошо грело его душонку.

Но недолго. Он вспомнил о мухах. С тревогой пошёл в комнату отдыха. Мух и на этот раз не было. Марабу в раздумье постоял, недоуменно пожимая пле-

чами и прижимая нижнюю губу к верхней, делая рот полумесяцем. Вспомнил случай, когда он был в командировке в Германии, четыре года назад. За неделю, что он там пробыл, чуть с ума не сошёл без мух. Чёртовы немцы-чистюли такой порядок сотворили, что, как он ни искал, нигде не мог найти ни одного насекомого. Пришлось за два дня до окончания командировки ехать на окраину города, чтобы утолить страсть. Не сделай он этого, точно бы спятил. Тогда со всей очевидностью осознал, что без мух долго не протянет. Либо сойдёт с ума, либо умрёт от тоски — так сильна была его потребность убивать их. Вспомнил, какой он испытал ужас тогда, и ему стало не по себе.

«Надо к замам зайти, узнать, есть ли у них мухи», — подумал Марабу, впадая в панику. Отправился к заместителям генерального директора под предлогом проверить вентиляцию. Он так был озабочен внезапным загадочным исчезновением мух, что даже забыл поздороваться с людьми в приёмной и не предупредил секретаршу, куда идёт и когда вернётся.

Кабинеты замов находились, как и его, на пятом этаже. Первым, к кому зашёл, был заместитель генерального директора по быту. Это был среднего роста пузатый человек лет сорока пяти, с землистым лицом и большой родинкой посередине лба, по прозвищу Официант — он устраивал застолья для своих и приезжих начальников, включая министерских. Он вечно что-то жрал. Когда бы к нему ни приходили, он что-нибудь да жевал, а на столе всегда находилась какая-нибудь снедь. Мусорная корзина зачастую была доверху наполнена обёртками от конфет, ореховой скорлупой, кожурой и огрызками фруктов. Едой от

него несло за километр. Марабу его не уважал, часто подшучивал и называл Пентюхом.

— Здорово, Пентюх! — Марабу вошёл в кабинет без стука. — Всё жрёшь? Когда ж ты нажрёшься...

На столе у Официанта громоздилась куча грецких орехов и скорлупа от них. Он давил орехи в ладонях, один о другой. Официант очень удивился, увидев главного инженера объединения у себя в кабинете, и даже от неожиданности открыл рот, набитый орехами. Никогда прежде тот к нему не заходил. Марабу подошёл к опешившему Официанту и замахнулся на него рукой. Тот от испуга пригнул голову и быстро заморгал. Испугался не понарошку, а по-настоящему. Это обрадовало Марабу. Он поддел средним пальцем подбородок Официанта, остальные пальцы собрал в горсть и резко дёрнул руку вверх. Послышался громкий щелчок. Взяв саечку за испуг, Марабу быстро осмотрел стол и подошёл к вентиляционной решётке.

— А ну-ка, Пентюх, подойди-ка сюда, — потребовал он.

Официант, держась за рот и кривясь от боли — он прикусил себе язык, когда Марабу брал саечку, — встал с кресла и приблизился.

— У тебя, Пентюх, вентиляция работает?

— Не знаю, Леонид Кузьмич, — прошамкал Официант, всё ещё держась за рот и дожёвывая орехи.

— А ну-ка подставь руку к решётке. Дует?

— Не знаю, Леонид Кузьмич. Вроде нет.

Марабу встал сзади Официанта, ещё раз внимательно осмотрел стол и стены в надежде обнаружить мух. Их не было. Он взмахнул рукой и с силой по касательной ударил по толстой заднице.

— Ой! — вскрикнул Официант от жгучей боли.

Марабу рассмеялся:

— Ну ладно, Пентюх, жри свои орехи, а я пошёл.

Как только Марабу оказался в коридоре, настроение у него резко упало. «Куда мухи подевались? — думал он, оглядывая стены. — Даже у Пентюха нет, а ведь там настоящий рай для них. — Марабу нащупал мухобойку. — Соскучилась, родимая».

И тут же услышал голос мухи-царицы: «Когда ж ты, проклятый садист, насытишься нашей кровушкой! Нашёл удовольствие — убивать... Подлый злыдень. Нет страшнее зверя, чем человек».

«А может, они неспроста исчезли?» — подумал Марабу, холодея от ужаса.

Следующий, к кому зашёл, был замгендиректора по капитальному строительству. Звали его Петром Петровичем. Был он не выше Марабу, но не в пример тому широкоплеч и коренаст, с короткими русыми волосами, с короткой же шеей. Говорил всегда громко, почти кричал и через каждые два-три слова почти матюкался. Он не произносил матюки до конца, а говорил только одну или две начальные буквы. Вроде бы и не матерился, но, когда озвучивал первые буквы непечатного слова, всем было не только ясно, что это за матюк, но и весело. Марабу с Петром Петровичем было легко и комфортно. Он видел в нём родственную хамскую душу, прощал грубые выходки и был с ним почти на равных.

— Здорово, Петрович! Как дела? — поприветствовал Марабу.

— Как в порту, сахар в жопе, ху во рту. Здорово! — ответил Петрович, вставая с кресла.

Марабу, зыркая по сторонам в поисках мух, подошёл к Петровичу и пожал ему руку. После рукопо-

жания они одновременно замахнулись друг на друга. Марабу со словами «Ты первый испугался» стал подставлять палец под подбородок Петра Петровича, чтобы взять саечку за испуг. Тот, в свою очередь, говоря «Да иди ты в жопу, Леонид Кузьмич, ты первый испугался», старался сделать то же самое. Громко смеясь — а Пётр Петрович даже повизгивал, как поросёнок, — они стали возиться, пытаясь оттолкнуть руку другого от себя, чтобы взять саечку первым. Наконец Пётр Петрович, как начальник более низкого ранга, хотя и был в два раза сильнее Марабу, поддался более высокому начальнику, и тот взял у него саечку за испуг. Довольный Марабу подошёл к вентиляционной решётке.

— Слушай, Петрович, вентиляция у тебя работает?

— А ху его знает. На ху она нужна, — ответил Пётр Петрович, подойдя к Марабу.

Зная, что тот будет пытаться ударить его по заднице, встал боком.

— А ну подставь руку к решётке, — попросил Марабу.

Пётр Петрович протянул руку к решётке, опасливо косясь.

Марабу ещё раз оглядел кабинет в надежде найти мух и спросил:

— Дует?

— А ху его знает, Леонид Кузьмич. Кажется, нет.

Марабу хотел было ударить Петра Петровича по заднице, но тот, смеясь, отскочил в сторону.

— Да иди в жопу, Леонид Кузьмич!

— А у меня воздуховод, падла, гудит, работать не даёт. Ну да ладно, — сказал Марабу и вышел из кабинета.

Потом он заглянул к заместителям генерального директора по экономике и транспорту, но и у них насекомых не было. Беспрестанно повторяя про себя: «Куда мухи подевались?» — Марабу прошёлся по некоторым кабинетам от четвёртого и до первого этажа всё под тем же предлогом — проверить вентиляцию. Зашёл и на кухню. Казалось бы, это наилучшее местообитание для мух: шёл всю процесс приготовления пищи, в воздухе носились ароматные запахи. Но и здесь их не было!

Растерянный и испуганный, Марабу поднялся на лифте к себе на пятый. Не обращая внимания на посетителей в приёмной, прошёл в кабинет, заглянул на всякий случай в комнату отдыха и, не обнаружив там мух, вернулся.

«Ничего не понимаю. Куда они все подевались? Мор, что ли, случился? Может, напала какая-то зараза? Вряд ли... Вчера их было море. Не может быть, чтобы вдруг ни с того ни с сего исчезли... Но куда они все подевались? Ничего не понимаю!.. — думал Марабу, поглаживая мухобойку в кармане пиджака. Тревога всё росла и росла. Опять вспомнился кошмарный сон, где мухи подвергают его экзекуции за жестокосердное отношение к ним. Возникла мысль: — Наверное, неспроста они исчезли. Может, хотят отомстить. — И тут же обругал себя: — Что ты мелешь! Двадцать первый век грядёт. Чудес на свете не бывает».

И заорал:

— Следующий!

До обеда главный инженер объединения был очень рассеян, слушал ходокон невнимательно, говорил невпопад. Он, почти не глядя, подписывал процентовки и другие бумаги, никого не унижал и не шутил свои

глухие и злые шутки. Не до этого было. Посетители выходили от него с радостными лицами. Некоторые звонили знакомым, чтобы те срочно воспользовались благоприятным случаем.

Приехав вместе с женой домой на обед, Марабу первым делом тщательно обследовал квартиру в надежде найти хотя бы одну малышку-дрозофилу. Но ни мушки-лилипута, ни обычной мухи он не обнаружил. Даже тощего комарика нигде не было.

За обедом Марабу, как обычно, ел много, но без аппетита и азарта.

— Слушай, куда все мухи подевались? — спросил он в сильной задумчивости у жены, которая в этот момент думала: «И куда всё это влезает в Чиканутика?»

— А бог его знает, — ответила она рассеянно.

Пообедав, Марабу налил в термос борща, положил в целлофановый мешок котлет, пирожков и взял с собой несколько блюдец. Оказавшись в комнате отдыха, разлил борщ по блюдам и расставил их на столе и на подоконнике. Затем разложил повсюду кусочки котлет и пирожков. В кабинете сел в кресло, достал мухобойку и, грустно глядя на неё, подумал: «Милая моя, неужели эти безмозглые твари опять не налетят?» Вспомнил, как в ужасе на грани сумасшествия бегал от одного мусорного бачка к другому на окраине города в Германии, шепча испуганно: «Мухи! Мухи! Куда подевались мухи?» — пока не убил первую муху, потом вторую, третью...

Раздался стук в дверь. Заглянула секретарша:

— К вам, Леонид Кузьмич, можно?

— Я занят, — отрубил Марабу.

Через полчаса он снова зашёл в комнату отдыха. Разочарованию не было предела. Аж слёзы выступили

на глазах... Ни единой мухи и на этот раз. Появилась слабость в ногах. Марабу присел на диван. «Да что ж это такое? А вдруг они навсегда исчезли! Как же мне жить? Кого убивать?» — думал он в прострации.

С трудом встав, на ватных ногах, пошатываясь, побрёл в кабинет. Кое-как добрался до стола и плюхнулся в кресло. Главного удовольствия в своей жизни он не получал уже несколько долгих часов! Вчера к этому времени Марабу перебил огромное количество мух. Под сотню, а то и больше. После обеда все стены и мебель в комнате отдыха были в ласкающих его взор кровавых пятнах бесполезных тварей, а пол был усеян отдельными частями их тел. Даже удовольствие, которое Марабу получал, унижая людей и шутя над ними свои злые шутки, не шло ни в какое сравнение с наслаждением, какое он испытывал, убивая мух. Опять вспомнил Германию без насекомых и муху-царицу: «Ты думаешь, мы не отомстим тебе, проклятый садист? Отомстим, ещё как отомстим...»

Ужас стал охватывать Марабу от мысли, что главному удовольствию его жизни пришёл конец. Но вдруг появилась мысль: «А может, налетели?» Надежда придала ему сил. Марабу пошёл в комнату отдыха. Робко заглянул. Мух не было.

Губы его задрожали, слеза из левого глаза скатилась на щёку, а потом на подбородок. На дрожащих от слабости ногах Марабу поплёлся к своему креслу. Сел — и представил жизнь без мух. И увидел пустоту.

Чудовищный страх охватил Марабу, проник во все клеточки его существа. Даже если вдруг исчезло бы всё человечество, вряд ли он так сильно запереживал бы. Ужас от мысли, что лишился главного удовольствия, был таким страшным, что рассудок